

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 190

27 июля 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве Е., адвоката С. и его представителя – адвоката В. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов Московской области; удостоверение № ..., выдано Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области 21 августа 2015 года; ордер от 26 мая 2023 года № ...), рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 03 апреля 2023 года № ..., основанному на обращении К. от 20 марта 2023 года (вх. № ... от 10.04.2023), в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты город Москвы 21 июня 2023 года вынесла заключение о нарушении адвокатом С. положений п. 2, 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившемся в том, что, получив в период времени с 27 декабря 2021 года по 15 февраля 2022 года в ходе оказания доверителю К. юридической помощи по представлению ее интересов как взыскателя в ходе исполнительного производства № ..., находившегося в производстве судебного пристава-исполнителя Д. ОСП ГУФССП России по городу Москве П. и оконченного 22 февраля 2022 года, на свой банковский счет взысканные с должника С. денежные средства в общей сумме 1 972 000 рублей, он перечислил причитающуюся К. в соответствии с условиями заключенного Соглашения об оказании юридической помощи № ... от 18 мая 2020 года часть указанных денежных средств в общей сумме 1 083 200 рублей не сразу после их получения, а частями (13 октября 2022 года – 75 000 рублей; 06 декабря 2022 года – 153 700 рублей; 13 марта 2023 года – 100 000 рублей; 27

марта 2023 года – 754 500), не только скрыв от доверителя К. факт окончания исполнительного производства, но также сообщая ей при этом заведомо недостоверную информацию (неисполнение должником требований исполнительного документа, обращение взыскания на принадлежащий должнику земельный участок, «обжалование реализаторами» его оценки, посещения адвокатом С. судебного пристава-исполнителя) относительно хода и результатов фактически окончанного исполнительного производства и якобы предпринимаемых в его рамках адвокатом С. действиях в интересах доверителя К.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета пояснила, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлена, с выводами Комиссии согласна, считает, что допущенное адвокатом С. нарушение, связанное со злоупотреблением доверием и подрывом авторитета к нему и адвокатуре, несовместимо со статусом адвоката, настаивает на применении к адвокату С. меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат С. в заседании Совета заявил о согласии с заключением Квалификационной комиссии, за исключением выводов о том, что его действия несовместимы со статусом адвоката. Содержание переписки с К., исследованной в ходе дисциплинарного производства, не оспаривал. Удержание денежных средств, причитающихся К., объяснил тем, что не был уверен, что последняя выплатит ему гонорар за оказание юридической помощи как по уже заключенному, так и по новому потенциальному соглашению. Просил учесть при оценке его действий, что к настоящему моменту все причитающиеся К. денежные средства он перечислил «по первому требованию», при этом срок такого перечисления соглашением с К. не установлен.

Представитель адвоката С. – адвокат В. в заседании Совета, соглашаясь с самим фактом допущенного адвокатом С. проступка и поддержав его доводы, просил при применении меры дисциплинарной ответственности учесть признание адвокатом своей вины в данном проступке, а также небезупречное, по его мнению, поведение К., которая в течение длительного времени не оплачивала гонорар, что и стало причиной для удержания ее денежных средств адвокатом С.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

18 мая 2020 года между адвокатом С. и доверителем К. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи № ... (далее – Соглашение от 18 мая 2020 года), предметом поручения по которому являлись: а) «защита интересов» доверителя К., являющейся потерпевшей по

уголовному делу № ..., возбужденному СО ОМВД России по району Щ. города Москвы; б) «истребование денежных средств, незаконно полученных С. в результате осуществления преступного деяния в отношении К.».

Данное соглашение предусматривало выплату вознаграждения в следующем порядке: в размере 100 000 рублей в рамках представления адвокатом интересов К. по уголовному делу № ... (п. 3.1 Соглашения от 18 мая 2020 года); в размере 40 процентов от полученных денежных средств, взысканных со С. в рамках возмещения ущерба, причиненного преступным деянием по уголовному делу № ... (п. 3.2 Соглашения от 18 мая 2020 года).

26 мая 2021 года приговором Х. районного суда города Москвы Ск. осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Заявленный потерпевшей К. гражданский иск удовлетворен в полном объеме. С осужденной Ск. в пользу потерпевшей в счет возмещения имущественного ущерба, причиненного преступлением, на основании подготовленного адвокатом С. искового заявления взыскано 1 972 000 рублей.

27 сентября 2021 года К. выдала адвокату С. нотариально удостоверенную доверенность на бланке серии ... № ..., предусматривающую, в том числе, полномочия на получение исполнительного листа и предъявление его к взысканию, отзыв исполнительного документа, обжалование действий судебного пристава-исполнителя с правом получения присужденного имущества и денег.

27 октября 2021 года по результатам рассмотрения в судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда приговор Х. районного суда города Москвы в отношении Ск. оставлен без изменения, апелляционная жалоба ее защитника – без удовлетворения.

03 декабря 2021 года адвокат С., действуя по доверенности от 27 сентября 2021 года, во исполнение Соглашения от 18 мая 2020 года обратился в интересах К. в Д. ОСП ГУФССП России по городу Москве с заявлением от 03 декабря 2021 года о принятии для принудительного исполнения исполнительного листа от 26 ноября 2021 года серии ФС № ..., выданного Х. районным судом города Москвы по делу № ..., с предметом исполнения в размере 1 972 000 рублей в отношении должника Ск. в пользу взыскателя К.

03 декабря 2021 года адвокат С. посредством мессенджера WhatsApp получил от доверителя К. платежные реквизиты для осуществления безналичного платежа на банковский счет К.

06 декабря 2021 года судебным приставом-исполнителем Д. ОСП ГУФССП России по городу Москве П. вынесено постановление о возбуждении исполнительного производства № ... в отношении должника Ск.

В период с 27 декабря 2021 года по 15 февраля 2022 года в ходе исполнительного производства № ... на банковский счет адвоката С. на основании двенадцати платежных поручений в счет погашения долга перед

взыскателем К. перечислены денежные средства в общей сумме 1 972 000 рублей, а именно:

- 7,85 рублей (платежное поручение № ... от 27.12.2021);
- 83,08 рубля (платежное поручение № ... от 27.12.2021);
- 90 000 рублей (платежное поручение № ... от 27.12.2021);
- 200 рублей (платежное поручение № ... от 27.12.2021);
- 1000 рублей (платежное поручение № ... от 27.12.2021);
- 5 999,49 рублей (платежное поручение № ... от 29.12.2021);
- 4 597,01 рублей (платежное поручение № ... от 01.02.2022);
- 500 рублей (платежное поручение № ... от 02.02.2022);
- 6 020,08 рублей (платежное поручение № ... от 09.02.2022);
- 79 рублей (платежное поручение № ... от 09.02.2022);
- 4 831,45 рубль (платежное поручение № ... от 11.02.2022);
- 1 858 682,04 рубля (платежное поручение № ... от 15.02.2022).

22 февраля 2022 года судебным приставом-исполнителем Д. ОСП ГУФССП России по городу Москве П. вынесено постановление об окончании исполнительного производства № ... в связи с исполнением требования исполнительного документа в полном объеме. Судебным приставом-исполнителем установлено, что взысканная сумма по исполнительному производству составляет 1 972 000 рублей.

13 октября 2022 года, то есть спустя более чем семь месяцев с момента окончания исполнительного производства и получения всех причитающихся доверителю денежных средств, адвокат С. путем безналичного перевода перечислил на счет К. первую часть указанных денежных средств в размере 75 000 рублей.

06 декабря 2022 года адвокат С. путем безналичного перевода перечислил на счет дочери К. – К.И. вторую часть взысканных в ходе исполнительного производства денежных средств в размере 153 700 рублей, которые были фактически получены К.

13 марта 2023 года адвокат С. путем безналичного перевода перечислил на счет доверителя К. третью часть взысканных в ходе исполнительного производства денежных средств в размере 100 000 рублей.

17 марта 2023 года от представителя К. – Л. в Коллегию адвокатов города Москвы «К.» по месту работы С. поступило требование о «немедленном перечислении незаконно присвоенных» адвокатом С. денежных средств, перечисленных на основании платежного поручения от 15 февраля 2022 года № ... на сумму 1 858 682,04 рубля в рамках исполнительного производства № ..., находившегося в производстве судебного пристава-исполнителя Д. ОСП ГУФССП России по городу Москве (далее – Требование от 17 марта 2023 года).

В Требовании от 17 марта 2023 года содержались платежные реквизиты для осуществления безналичного платежа на банковский счет К. Требование от 17 марта 2023 года было передано адвокату С., что подтверждается ответом Коллегии адвокатов города Москвы «К.» от 14 июня

2023 года на запрос Адвокатской палаты города Москвы (вх. № ... от 14.06.2023).

20 марта 2023 года представитель К. – Л. обратился в Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве с жалобой на действия адвоката С.

22 марта 2023 года адвокат С. от имени доверителя К. внес в кассу Коллегии адвокатов города Москвы «К.» вознаграждение в размере 788 800 рублей за «взыскание ущерба, причиненного преступным деянием», на основании Соглашения от 18 мая 2020 года.

24 марта 2023 года адвокат С. направил доверителю К. требование об оплате труда адвоката по Соглашению от 18 мая 2020 года, в котором указал на невыплату К. причитающегося адвокату С. вознаграждения в размере 100 000 рублей, предусмотренного п. 3.1 Соглашения от 18 мая 2020 года, и попросил произвести оплату указанного вознаграждения на расчетный счет Коллегии адвокатов города Москвы «К.».

27 марта 2023 года адвокат С. путем безналичного перевода перечислил на счет доверителя К. четвертую часть взысканных в ходе исполнительного производства денежных средств в размере 754 500 рублей.

31 марта 2023 года адвокат С. направил доверителю К. подписанный им в одностороннем порядке Акт выполненных работ по Соглашению от 18 мая 2020 года № ..., в котором указал, что:

стороны подтверждают оказание в полном объеме и надлежащем качестве услуг адвоката доверителю за период с 18.05.2020 по 31.03.2023 по Соглашению об оказании юридической помощи от 18 мая 2020 года № ...;

адвокат в указанный в данном акте период времени принимал участие в исполнительных действиях по исполнительному производству № ..., возбужденному 06 декабря 2021 года Д. ОСП ГУФССП России по городу Москве, и при этом осуществил получение от судебного пристава-исполнителя взысканных денежных средств в пользу доверителя на общую сумму 1 972 000 рублей. Указанная сумма (за вычетом гонорара, предусмотренного п. 3.2 Соглашения от 18 мая 2020 года) в размере 1 083 200 рублей перечислена доверителю на ранее указанные банковские реквизиты;

за осуществление защиты в рамках настоящего соглашения доверитель оплатил адвокату установленный по соглашению гонорар в размере 788 800 рублей;

в соответствии с п. 3.1 Соглашения от 18 мая 2020 года задолженность доверителя перед адвокатом составляет 100 000 рублей.

02 апреля 2023 года К. в лице своего представителя Л. письменно уведомила адвоката С. об отказе от подписания акта приема-передачи оказанных услуг по Соглашению от 18 мая 2020 года.

16 мая 2023 года К. направила адвокату С. досудебную претензию, в которой указала, что соглашение об оказании юридической помощи от 18 мая 2020 года считается расторгнутым с момента получения С. досудебной претензии, а также предъявила требование о перечислении на ее счет 888 800

рублей и процентов за пользование чужими денежными средствами по состоянию на 16 мая 2023 года в размере 226 959,26 рублей, сообщив о намерении обратиться в суд в случае его неисполнения.

Кроме того, 18 января 2022 года между адвокатом С. и доверителем К. заключено Соглашение об оказании юридической помощи № ... (далее – Соглашение от 18 января 2022 года), предусматривающее следующий предмет поручения: «защита интересов Доверителя в органах ФССП по вопросу истребования долга по иску «Международная академия информационных технологий «...». Обжалование действий должностных лиц в суде общей юрисдикции» (п. 1.2 Соглашения от 18 января 2022 года). За оказание данной юридической помощи Соглашение предусматривало выплату адвокату С. вознаграждения в размере 100 000 рублей не позднее 21 января 2022 года (п. 3.1 Соглашения от 18 января 2022 года).

Из представления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве следует, что против адвоката С. выдвинуто дисциплинарное обвинение в нарушении пунктов 2 и 3 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в удержании адвокатом С. полученных им в ходе исполнительного производства № ..., возбужденного 06 декабря 2021 года судебным приставом-исполнителем Д. ОСП ГУФССП России по городу Москве П., денежных средств, подлежащих передаче К. за вычетом вознаграждения, введении доверителя К. в заблуждение относительно хода и результатов исполнительного производства путем предоставления ей ложной информации, а также сокрытии от нее факта получения адвокатом С. взысканных в пользу К. денежных средств.

Рассматривая указанное дисциплинарное обвинение и соглашаясь с заключением Квалификационной комиссии, Совет отмечает, что согласно п. 1 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2 ст. 5 Кодекса); злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката (п. 3 ст. 5 Кодекса).

В силу ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов (п. 1 ст. 16 Кодекса). Гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства. Соглашение об оказании юридической помощи может содержать условие о внесении доверителем в кассу либо о перечислении на расчетный счет адвокатского образования (подразделения) денежных сумм в качестве авансовых платежей (п. 2 ст. 16 Кодекса).

В представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве не содержится дисциплинарных претензий к исключению адвокатом С. суммы вознаграждения, предусмотренного Соглашением от 18 мая 2020 года, из перечисленных им К. денежных средств, взысканных в результате исполнительного производства в пользу доверителя. В ходе дисциплинарного разбирательства представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. также признала профессиональное поведение адвоката С. в указанной части допустимым.

Не противоречит такая практика и традициям российской (присяжной) адвокатуры. Например, в дисциплинарной практике присяжной адвокатуры в Российской империи существовал подход, в соответствии с которым «присяжный поверенный, взыскавший деньги в пользу своего доверителя, вправе удержать при передаче их последнему всю ту сумму, которая законно ему следует» (*Марков А.А. Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / Москва: Тип. О. Л. Сомовой. 1913. С. 319*).

В этой связи Совет отмечает, что в силу п. 3 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката в тех случаях, когда вопросы профессиональной этики адвоката не урегулированы законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре или настоящим Кодексом, адвокат обязан соблюдать сложившиеся в адвокатуре обычаи и традиции, соответствующие общим принципам нравственности в обществе.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что по состоянию на 27 марта 2023 года доверитель К. получила от адвоката С. денежные средства в общей сумме 1 083 200 рублей, что в ходе дисциплинарного производства признала и сама К.

Тем не менее, несмотря на поступление в период с 27 декабря 2021 года по 15 февраля 2022 года в ходе исполнительного производства № ... на банковский счет адвоката С. денежных средств в общей сумме 1 972 000 рублей и вынесение судебным приставом-исполнителем 22 февраля 2022 года постановления об окончании исполнительного производства, первую часть денежных средств в размере 75 000 рублей адвокат С. перечислил К. только 13 октября 2022 года. Последняя же часть в размере 754 500 рублей из причитающейся К. суммы взысканных денежных средств была перечислена адвокатом С. доверителю К. лишь 27 марта 2023 года после предъявления 17 марта 2023 года представителем К. – Л. к адвокату С. письменного требования о «немедленном перечислении незаконно присвоенных» им денежных средств на банковский счет К.

Более того, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат С., удерживая в течение длительного времени денежные средства К., вводил последнюю в заблуждение относительно хода и результатов фактически оконченого исполнительного производства и якобы предпринимаемых им действий в интересах доверителя.

Так, из переписки адвоката С. с доверителем К., осмотренной в ходе дисциплинарного производства (результаты осмотра оформлены служебной запиской старшего консультанта отдела организационного обеспечения дисциплинарных производств Адвокатской палаты города Москвы А. и руководителя IT-отдела Адвокатской палаты города Москвы Б. от 19 июня 2023 года) и приобщенной к материалам настоящего дисциплинарного производства, усматривается следующее:

03 декабря 2021 года доверитель К. еще до возбуждения исполнительного производства № ... направила адвокату С. платежные реквизиты для осуществления безналичного платежа на банковский счет К., получение которых адвокат С. подтвердил сообщением: «Ок»;

04 апреля 2022 года, уже после получения адвокатом С. всех денежных средств и окончания исполнительного производства, доверитель К. направила адвокату С. сообщение: «А что у нас с Ск.? Я бы и хотела с вами расплатиться, да и мне деньги нужны». В тот же день на данное сообщение адвокат С. ответил сообщениями: «Движемся, ...»; «Отдали участок на продажу»; «Ждем»;

07 апреля 2022 года доверитель К. направила адвокату С. сообщение: «Есть какие-то новости?», на которое адвокат С. в тот же день ответил сообщениями: «После праздников жду результат»; «Выставили на торги»;

22 июля 2022 года адвокат С. направил доверителю К. сообщения: «С реализаторами бьюсь. Обжалуют оценку земли»; «Сейчас с землей сложно стало», на которые доверитель К. ответила сообщением: «Прекрасно»;

16 августа 2022 года доверитель К. направила адвокату С. сообщение: «Добрый день! Есть ли какие-то новости?», на которое адвокат С. в тот же день ответил сообщениями: «Завтра собираюсь туда поехать»; «Обещают до 15.09 реализовать»;

12 сентября 2022 года доверитель К. направила адвокату С. сообщение: «Доброе утро! Есть ли новости?», на которое адвокат С. в тот же день ответил сообщением: «После 15.09». На последовавший вопрос доверителя К.: «До нового года будет или не ждать?», адвокат С. ответил: «Да будет все. Почему не ждать? Занимаюсь»;

06 октября 2022 года доверитель К. направила адвокату С. сообщение: «Здравствуйте! Я сейчас в Москве, нет хороших новостей?», на которое адвокат С. в тот же день ответил сообщениями: «Есть»; «в среду выплаты пойдут»; «реализовали»;

12 октября 2022 года на вопрос доверителя К.: «Выплаты пошли?», адвокат С. сообщил: «Приветствую! 100к на счет пришло. Взыскали. Землю не продали». В ответ на сообщения доверителя К. «Жаль, что не продали», «100 у пристава сейчас?», адвокат С. направил сообщения: «Завтра переведу»; «Сейчас еду решать с ними»; «Закроют до конца месяца»; «Сопротивляются»;

13 октября 2022 года адвокат С. в ответ на очередной вопрос доверителя К. о состоянии дел направил ей сообщение: «Карта привязана к

телефону?»; «Пришли 100 к»; «25 к могу себе оставить?», на которые К., в свою очередь, ответила: «Конечно»; «Вы заслужили»;

19 октября 2022 года на вопрос доверителя К.: «А наша мошенница платить дальше собирается?», адвокат С. в тот же день сообщил: «Закроют и/п. Взыщем»; «Я все 12.10 написал. До конца месяца должны»; «Все взыскать с нее»;

25 октября 2022 года доверитель К. направила адвокату С. сообщение: «Уже очень хочется деньги получить. И с Вами расплатиться»;

01 ноября 2022 года адвокат С. направила доверителю К. сообщения: «Приветствую! Завтра поеду. Сегодня у них праздник»; «Посмотрю что взыскали. Тяжело с ней. Спротивляется»;

01 декабря 2022 года доверитель К. направила адвокату С. сообщение: «Эта дама что-то заплатила или зажала пока?», на которое в ту же дату адвокат С. ответил сообщениями: «Сын начал». На последовавший вопрос доверителя К.: «А сын что-то еще выплатил или только те 100 тыс?», адвокат С. ответил: «Я сказал, платит. Все расскажу». Далее на вопрос доверителя К.: «Наверное, не секрет сколько? Хотела бы быть в курсе», адвокат С. ответил: «270 было». На вопрос доверителя К.: «Вы их получили или они у пристава?», адвокат С. ответил: «Ничего я не получал»;

05 декабря 2022 года адвокат С. направила доверителю С. сообщения: «150 на счету у приставов»; «Сын ее заплатил»; «Куда вам перевести?»;

16 января 2023 года адвокат С. на вопрос доверителя К.: «Доброе утро! Хотела бы новости узнать» ответил сообщением: «Доброе! Нет денег. Не поступали»;

20 февраля 2023 года доверитель К. направила в адрес адвоката С. сообщения: «Здравствуйтесь! Вы очень давно перестали выходить на связь! Вы были у пристава? Есть ли новости?»; «Дайте пожалуйста телефон пристава, я хоть узнаю новости».

Давая оценку указанной переписке, Совет приходит к выводу о том, что К. систематически обращалась к адвокату С. с вопросами о ходе и результатах исполнения поручения, а также с требованиями о перечислении ей денежных средств, взысканных в ее пользу в ходе исполнительного производства. Из вышеприведенных сообщений К. очевидны как ее неосведомленность о получении адвокатом С. денежных средств, взысканных в ее пользу, так и её готовность и желание выплатить адвокату С. причитающееся ему вознаграждение. При этом в силу п. 2.1 Соглашения от 18 мая 2020 года адвокат С. был обязан по требованию доверителя К. сообщать ей все сведения о ходе исполнения поручения. Однако вместо сообщения ей достоверной информации о том, что 22 февраля 2022 года судебным приставом-исполнителем Д. ОСП ГУФССП России по городу Москве П. вынесено постановление об окончании исполнительного производства № ..., а также, что к указанной дате на банковский счет адвоката С. поступила взысканная в пользу доверителя сумма денежных средств в размере 1 972 000 рублей, адвокат С. систематически, вплоть до 16 января 2023 года, сообщал К. недостоверную информацию о ходе и

результатах исполнения поручения, не только скрывая от доверителя сам факт получения взысканных в ее пользу денежных средств в полном объеме, но и вводя ее в заблуждение относительно хода и результата исполнительного производства и предпринимаемых им действий по оказанию К. юридической помощи в данном исполнительном производстве.

Как указано выше, между адвокатом С. и доверителем К. также было заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 18 января 2022 года № ..., предусматривающее поручения в виде защиты интересов К. в органах Федеральной службы судебных приставов РФ по вопросу истребования долга по иску «Международная академия информационных технологий «...», а также по обжалованию действий должностных лиц в суде общей юрисдикции. Однако заключение Соглашения от 18 января 2022 года и правоотношения адвоката С. и доверителя К. по поводу его исполнения не являлись и не могли являться основаниями для удержания адвокатом С. денежных средств, подлежащих перечислению доверителю К. в рамках исполнения иного поручения – по Соглашению от 18 мая 2020 года. В ходе настоящего дисциплинарного производства адвокатом С. не представлено доказательств согласования с доверителем К. такого удержания. Кроме того, Совет учитывает, что Соглашением от 18 января 2022 года за оказание юридической помощи предусматривалась выплата адвокату С. вознаграждения в размере 100 000 рублей, то есть суммы, явно несоразмерной сумме удерживаемых адвокатом С. денежных средств доверителя К., полученных им в ходе оказания юридической помощи по Соглашению от 18 мая 2020 года.

Таким образом, адвокат С., вводя в заблуждение доверителя К., в течение длительного времени и в отсутствие правовых и этических оснований удерживал взысканные в ходе исполнительного производства № ... денежные средства К., перечислив ей основную их часть в размере 754 500 рублей лишь 27 марта 2023 года.

Доказательств наличия каких-либо объективных препятствий для исполнения данной обязанности по перечислению доверителю К. принадлежащих ей денежных средств адвокатом С. не представлено. Напротив, как указано выше, материалами дисциплинарного производства достоверно установлено, что адвокат С. систематически вводил К. в заблуждение, скрывая получение её денежных средств и сообщая ложные сведения о якобы возникших затруднениях в ходе исполнительного производства.

Ссылки адвоката С. на то, что денежные средства он удерживал в связи с тем, что не был уверен в том, что К. выполнит перед ним свои обязательства, Советом отклоняются как явно надуманные и прямо противоречащие профессионально-этическим требованиям.

В подтверждение неисполнения К. перед ним своих обязательств адвокат С. представил в материалы дисциплинарного производства копию направленного им 24 марта 2023 года доверителю К. требования об оплате труда адвоката по Соглашению от 18 мая 2020 года № ..., в котором он

указал на невыплату К. причитающегося адвокату С. вознаграждения в размере 100 000 рублей, предусмотренного п. 3.1 указанного Соглашения. Аналогичная информация о задолженности доверителя К. содержится в подписанном адвокатом С. в одностороннем порядке и направленном им 31 марта 2023 года К. акте выполненных работ по Соглашению от 18 мая 2020 года, в котором указано, в том числе на то, что в соответствии с п. 3.1 Соглашения от 18 мая 2020 года задолженность доверителя перед адвокатом составляет 100 000 рублей.

В этой связи Совет вновь подчёркивает, что адвокат С. во всех случаях не имел оснований удерживать несоразмерно большие денежные средства доверителя в размере 1 183 200 рублей (взысканная денежная сумма за вычетом обусловленного вознаграждения) в качестве обеспечения исполнения доверителем обязательства по выплате вознаграждения в размере 100 000 рублей.

В силу положений п. 5 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокату запрещается принимать от доверителя какое-либо имущество в обеспечение соглашения о гонораре.

Доверитель адвоката С. – К. в ходе дисциплинарного разбирательства настаивала на том, что фиксированную часть вознаграждения в размере 100 000 рублей адвокату С. выплатила в наличной форме, однако оформленная адвокатом С. квитанция к приходному кассовому ордеру была ею утеряна в ходе переезда. Хотя доказательств фактической выплаты указанного вознаграждения заинтересованное лицо К. не представила, Совет отмечает, что даже если бы указанная часть вознаграждения не была выплачена адвокату С., он имел правовую возможность удержать из фактически полученных им денежных средств доверителя лишь сумму, составляющую размер данного вознаграждения. Более того, из обстоятельств настоящего дисциплинарного производства следует, что такая возможность была им реализована.

Так, вопреки указанному адвокатом С. в п. 2 подписанного им в одностороннем порядке Акта выполненных работ от 31 марта 2023 года, за вычетом вознаграждения, предусмотренного п. 3.2 Соглашения от 18 мая 2020 года (40 процентов от суммы взысканных денежных средств в размере 1 972 000 рублей), доверителю К. подлежала перечислению сумма в размере 1 183 200 рублей (60 процентов от 1 972 000 рублей), а не 1 083 200 рублей. Поскольку фактически адвокатом С. четырьмя платежами (75 000 рублей, 100 000 рублей, 153 700 рублей, 754 500 рублей) доверителю К. перечислена сумма денежных средств в размере 1 083 200 рублей, в распоряжении адвоката С. остались взысканные в ходе исполнительного производства денежные средства в размере 888 800 рублей (разница между полученными им 1 972 000 рублей и перечисленными К. 1 083 200 рублей). Часть удержанной суммы – 788 800 рублей была внесена им в кассу Коллегии адвокатов города Москвы «К.». Следовательно, фактически адвокат С. удержал всю сумму причитающегося ему вознаграждения по Соглашению от 18 мая 2020 года: фиксированную его часть (п. 3.1 Соглашения) и

обусловленное вознаграждение (п. 3.2 Соглашения). Таким образом, какая-либо задолженность доверителя К. по выплате адвокату С. вознаграждения по Соглашению от 18 мая 2020 года на момент направления Акта выполненных работ от 31 марта 2023 года отсутствовала даже с учетом того, что К. в ходе настоящего исполнительного производства не представила доказательств выплаты ею адвокату С. каких-либо сумм в качестве фиксированного вознаграждения по Соглашению от 18 мая 2020 года.

В силу предусмотренных п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката общих требований о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также приведённых выше требований ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат С. был обязан немедленно информировать доверителя К. о поступлении на его банковский счет денежных средств, взысканных в пользу К. в ходе исполнительного производства, и перечислить их ей при первой же возможности за вычетом причитающегося адвокату С. вознаграждения.

Вопреки доводу адвоката С. о выплате денежных средств К. «по первому требованию», фидуциарный (доверительный) характер отношений адвоката и доверителя не предполагает исполнение адвокатом профессиональных обязанностей лишь по специальному требованию доверителя. Напротив, адвокат обязан активно и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, всемерно способствуя их соблюдению и реализации.

В решениях советов присяжных поверенных по данному поводу неоднократно отмечалось: «присяжный поверенный обязан немедленно уведомить своего доверителя о получении взысканных денег и немедленно выслать ему таковые без всякого со стороны доверителя особого требования»; «передача денег доверителю частями, хотя вся сумма получена сразу, является действием неправильным и может вызвать подозрения и нарекания на присяжного поверенного со стороны клиента» (*Марков А.А. Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / Москва: Тип. О. Л. Сомовой. 1913. С. 306-307*).

Как указано выше, такие традиции и обычаи подлежат исполнению адвокатом наряду с прямо предусмотренными требованиями законодательства и профессиональной этики (п. 3 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Кроме того, именно адвокат, как профессиональный советник по правовым вопросам, несет обязанность по четкому и недвусмысленному формулированию условий соглашения об оказании юридической помощи. В этой связи ссылка адвоката С. на то, что срок перечисления денежных средств Соглашением от 18 мая 2020 года не предусмотрен, не влияет на оценку его профессионального поведения, но дополнительно свидетельствует о его недобросовестном отношении к исполнению

профессиональных обязанностей перед доверителем К. и злоупотреблении её доверием.

Более того, доверитель К. в переписке с адвокатом С. посредством мессенджера WhatsApp неоднократно и недвусмысленно выражала свою волю на незамедлительное получение денежных средств по мере их взыскания с должника Ск., что подтверждается вышеприведенными сообщениями К. от 04 апреля 2022 года, 25 октября 2022 года и 20 февраля 2023 года, направленными адвокату С. задолго до направления ему Требования от 17 марта 2023 года.

Принимая во внимание, что в результате дисциплинарного разбирательства нашли подтверждение не только явно необоснованная длительная задержка в передаче адвокатом С. доверителю К. взысканных в ее пользу денежных средств, но и сообщение адвокатом С. доверителю К. недостоверной информации о ходе и результатах исполнительного производства, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката С. опровергнутой, а его умышленную вину в нарушении требований п. 2 и п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката – доказанной.

Совет вновь подчёркивает, что адвокат С. был обязан по мере получения взыскиваемых с должника Ск. в ходе исполнительного производства денежных средств незамедлительно передавать (перечислять) их доверителю К. При этом он, в соответствии с условиями Соглашения от 18 мая 2020 года, имел право удержать в свою пользу сумму вознаграждения, как фиксированного (100 000 рублей, в том случае, если оно ранее не было ему выплачено), так и обусловленного (40 процентов от взысканной суммы). Таким образом, необоснованное удержание (неперечисление) денежных средств доверителя К. с момента получения соответствующих взысканных сумм и до 27 марта 2023 года (дата выплаты основной части взысканных денежных средств в размере 754 500 рублей после получения Требования от 17 марта 2023 года) Совет признаёт бездействием адвоката С., подрывающим доверие к нему и к адвокатуре в целом.

Как указано выше, данное продолжительное безосновательное удержание адвокатом С. денежных средств доверителя К. сопровождалось систематическим предоставлением им доверителю не соответствующей действительности информации о ходе и результатах исполнительного производства (неисполнение должником требований исполнительного документа, обращение взыскания на принадлежащий должнику земельный участок, «обжалование реализаторами» его оценки, посещения адвокатом С. судебного пристава-исполнителя). Тем самым доверие К. было недобросовестно использовано адвокатом С. для прикрытия и облегчения своего недопустимого профессионального поведения. Такое злоупотребление адвокатом С. доверием К. было пресечено лишь предъявлением 17 марта 2023 года представителем К. – Л. к адвокату С. письменного требования о немедленном перечислении «незаконно присвоенных» им денежных средств на банковский счет К. Лишь после получения этого требования адвокат С.

выплатил доверителю К. основную часть причитающейся ей суммы взысканных денежных средств в размере 754 500 рублей.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С. за допущенные нарушения, Совет учитывает их умышленный, злостный и длительный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом С. основополагающих профессионально-этических требований, сознательном введении доверителя К. в заблуждение, злоупотреблении её доверием, подрыве доверия к нему и адвокатуре в целом. Совет также учитывает причиненный тяжким дисциплинарным проступком адвоката вред доверителю К., которая в течение длительного времени была лишена возможности не только получить и использовать по своему усмотрению причитающиеся ей денежные средства, но и получить достоверную информацию о ходе и результатах взыскания этих средств.

Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат С. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката С. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату С. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как в силу прямого указания в п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката о несовместимости злоупотребления доверием со статусом адвоката и требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление С. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого С. может быть допущен к сдаче

квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности С., считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение положений пунктов 2 и 3 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействий), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившееся в том, что, получив в период с 27 декабря 2021 года по 15 февраля 2022 года в ходе оказания доверителю К. юридической помощи по представлению ее интересов как взыскателя в ходе исполнительного производства № ..., находившегося в производстве судебного пристава-исполнителя Д. ОСП ГУФССП России по городу Москве П. и оконченого 22 февраля 2022 года, на свой банковский счет взысканные с должника Ск. денежные средства в общей сумме 1 972 000 рублей, он перечислил причитающуюся К. в соответствии с условиями заключенного Соглашения об оказании юридической помощи от 18 мая 2020 года № ... часть указанных денежных средств в общей сумме 1 083 200 рублей не сразу после их получения, а частями (13 октября 2022 года – 75 000 рублей; 06 декабря 2022 года – 153 700 рублей; 13 марта 2023 года – 100 000 рублей; 27 марта 2023 года – 754 500), не только скрыв от доверителя К. факт окончания исполнительного производства, но также сообщая ей при этом заведомо недостоверную информацию (неисполнение должником требований исполнительного документа, обращение взыскания на принадлежащий должнику земельный участок, «обжалование реализаторами» его оценки, посещения адвокатом С. судебного пристава-исполнителя) относительно хода и результатов фактически оконченого исполнительного производства и якобы предпринимаемых в его рамках адвокатом С. действиях в интересах доверителя К.

Установить срок, по истечении которого С. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков